

Екатерина НАСУТА

От судьбы

Дрожащая рука простерлась над костром. С пальцев слетели несколько крупинок; и мутное варево, до этого момента слабо побулькивавшее, вспучилось клубами алого дыма.

- Вижу! – дребезжащий голос заполнил комнатку. – Вижу!

Одноглазый горбун попятился к стене.

- Вижу, вижу, идет Спаситель! Избранный!

Горбун присел за сундуком и чучело совы подвинул, чтоб растопыренные крылья заслонили его от старца. Впрочем, взгляд последнего был устремлен в крохотное оконце под потолком.

- Он родится после трехдневного дождя...

Горбун потянулся за веревку, торчащую из пробитой каминной трубы. Внизу слабо звякнул колокол.

- ...в миг, когда на небосводе старый месяц падет под ударом Белой звезды...

По лестнице грохотали сапоги, горбун скукожился и, прикрыв совой голову, зажмурился.

- ...в городе Таим!

Дверь вылетела, и в комнатке стало тесно...

Вариант 1

- Спаситель? – Темный властелин провернул меч в брюхе горбуна. – Избранный...

Тело брякнулось под ноги, и по роскошной мозаике поползли алые струи. Черный генерал, возглавлявший Орды Смерти, отступил, не желая пачкать новых сапог в крови презренного.

- Дождь идет второй день кряду, - вежливо подсказал он решение.

А чернобородый старец с лисьим взглядом добавил:

- Да будет мне позволено сказать, спустя две ночи Месяц умрет, дабы переродится в новом обличье. Тогда же в мир явится Избранный.

На мгновение в зале повисла тишина, нарушаемая лишь сипом горбуна – живучим оказался, скотина. Наконец, Темный властелин изволил сказать:

- Убейте всех младенцев в городе Таим!

Это был традиционный Темный властелин.

И финал его тоже был традиционен.

Вариант 2

- Спаси-и-итель? – Темный властелин скатился с ложа и поскреб бороду. – Избранный? Роди-и-ится? Скоро?

- Очень, очень скоро, - залопотал главный евнух, помогая облачиться господину. Черный халат, расшитый золотой и серебряной нитью удачно гармонировал с изысканной белизной кожи. А тапочки из меха черной норки избавили владычественную ногу от контакта с холодным полом – Вы должны что-то предпринять...

Властелин зевнул и посмотрел на ногти. Определенно, тон лака слегка отличался, и на левой кожицу срезали неаккуратно...

- Пусть казнят.

- Младенцев? – уточнил евнух, сгибаясь в поклоне.

- Ну зачем младенцев? Раба этого! Ну этого, - Властелин помахал ручкой и, оттопырив мизинец, пожаловался. – Видишь? Заусенец!

- А... а младенцы?

- Что младенцы? Ах да, Избранный...

На долю секунды он задумался.

- С детьми нельзя воевать. Детей надо любить. Арекс!

Черный генерал и новый фаворит, томно потянулся на ложе.

- Арекс, заведи детей. Привези сюда и пусть их воспитают правильно. Они должны любить своего Властелина! А я буду любить их...

Это был нетрадиционный Темный властелин.

Спустя пятнадцать лет его убил юный любовник, приревновав к своему лучшему другу. Оба были родом из городка Таим...

Вариант 3

- Избранный? Что ж, за Избранного, - Темный властелин поднял кубок и, чокнувшись с собственным отражением, коснулся губами серебра.

- Так может это? Того? – Черный генерал чиркнул ладонью по горлу. – Пока оно не этого?

- А смысл?

Темный властелин вздохнул и прикрыл глаза. Его снедали мысли о бессмысленности существования. И стихотворные строки вертелись в голове, но упрямо отказывались складываться в оду о тленности бытия. Было томительно.

- Так это... а как?

- Никак.

- Ну так оно ж тогда...

Властелин протянул кубок верному слуге. Осушив одним глотком, предводитель Орд Смерти, рухнул на пол, забился в страшных корчах и ковер заблевал.

- Судьба, - сказал Властелин отражению.

Отражение кивнуло.

Спустя двадцать лет Таимский бастард, захвативший дворец при поддержке мятежных баронов, перерезал горло Властелину и случайно задел зеркало. О зеркале жалел. Красивое было.

Вариант 4

- Избранный? Что значит предсказано? Кем предсказано? – Темный властелин бодрым шагом прошелся по скрипторию. Мудрецы поежились. Во-первых, было прохладно, во-вторых, воины в черных доспехах, стоящие у дверей, не делали помещение более уютным.

- Ну... позволено будет сказать... этот проходимец не имел лицензии на предсказания! – седобородый мудрец оглянулся на коллег в поисках поддержки.

- Да, да, несомненно! Ко всему методы его...

- ...абсолютно ненаучны...
- ...несомненно...
- ...трактовка положения звезд...
- ...несочетаемость компонентов...
- ...инструментарная ошибка...
- ...непроверяемость...
- ...толковать следует...

Еще до заката Темный властелин покинул скрипторий с пергаментным свитком, снабженным некоторым количеством подписей и тремя печатями.

Он верил науке. И основал Академию. И полюбил присутствовать на выпускных экзаменах. Там и погиб спустя двадцать лет, когда взорвалось чудо-оружие, созданное одним из учеников. Поговаривали, что родом он был из Таима.

Вариант 5

- Избранный, говорите? Родится? – отвлекшись от бумаг, Темный властелин пощекотал подбородок гусиным пером. – Ошибка исключается?

Канцлер слегка наклонил голову, подтверждая:

- Д-да. Старый п-придурок всегда отличался т-точностью.
- Ну это скорее плюс.

Два шага вдоль стены. Взгляд, устремленный на хрустальную сферу, внутри которой вращался мир, и уточнение:

- Когда? Завтра?
- П-послезавтра.

- Значит, время есть. Что ж... пиши. Я... титулы поставишь сам. Приказываю переименовать поселение... все поселения Таим в... сообрази во что. Думаю, так будет проще всего.

Это был очень умный Властелин.

Он умер, подавившись абрикосовой косточкой. При чем тут Таим, выяснить не удалось.

Тварцы

Лялька сотварила дракона из молока. У нее это легко выходит: глянет по-хитрому, с прищуром, сморкнется с левой ноздри и нате. Выползает.

- Жирное, - заметила Лялька, придирчиво разглядывая чешую. – Вишь, сливкой отливает. Не как у Бязеньки, но лучше Рыжухино.

Дракон, выбравшись на край ведра, фыркал, вылизывался, плюхал крыльями – молочная пенка на тонких косточках – да ловил покатым глазом свое отражение. А рассыпаться не думал. До вечера, небось, протянет. А может и дальше.

- Не лезь! – Лялька хлопнула по протянутой руке. – Укусит.

Не укуса она боится – дракон-то беззубый, и панцирь у него мягонький, сливочно-масляный – а того, что измажет Марьяш белую чешую, помнет, а то и вовсе рас-сотварит.

С него, каженного, станется.

Крылья пламени распростерлись над городом. Загудел обожженный воздух, зашипели облака, откатываясь на край небосвода, огрызнулись молнией.

- Быть!

Качнулись зябким светом крыши, вот-вот полыхнут от жара, не дожидаясь настоящей атаки.

- Быть!!

Вывернулись жгутом облака, вытянулись. И вот уже наливается грозовой чернотой шея, пробиваются кости-молнии сквозь полотно крыльев, прорастает громом рык.

- Быть!!!

Воют небеса...

Драконы в деревне жили всегда. Прятались в молоке и травяных настоях, в мехах с зерном и легкой, пышной мукою. Вили гнезда в осклизлом мельничном колесе и глиняных домнах дядь-Иваровой кузни. Носились по полям, распугивая воем птичьи стаи, и шумно, с фырканием, купались в реке, выплескивая на берег рыбу.

Драконы нравились людям. А люди нравились драконам.

Люди, но не Марьяш.

- Ты просто глядеть не умеешь, - Лялька оседлала ветку старой липы и теперь, глядя на свое отражение в воде, корчила рожи, пугая и пугаясь. – Ты впрямку все, а надо сбоку.

Скосила глаза на нос, показывая. Марьяш повторил, хоть и знал – бесполезно. И на нос косил, и вбок, и заклеивал листом лопуха, в котором загодя дырку проколупвал. Ничегошеньки!

Мертвым оставалось молоко. Не шевелилась мука. Не отзывался огонь в печи и даже земля, жирная, мамкой со старого погосту принесенная, оставалась просто землей.

- А... а хочешь, на вот, - сняв дракона с плеча, Лялька кинула его Марьяшу на колени. И эта ее доброта комом в горле застряла. Жалеют ущербненького? А ему жалости не надо!

- Не надо!

Марьяш спихнул слабо вякающего дракона на ветку и скатился вниз, в мутную, отяжелелую водорослями воду.

- Дурень! – крикнула сверху Лялька. – В одеже! Мамка заругает!

А пускай.

Зеленое крыло прогнулось под весом корабля, захрустели кости, затрещала плоть, выступила кровью белая пена. Но дракон лишь заурчал и перекатил судно на хребет.

- Быть!

Море ложилось под киль, благодарно целовало подпорки-весла, а когда дотягивалось, то и бедра золоченой нимфы, уснувшей на носу.

- Быть!!

Слева мелькнули клыки рифов и белый откос берега, сплошь усыпанного катышками мидий. Справа вода почернела, а впереди морская зелень слилась с небесной синевой.

- Быть!!!

Хлопнули паруса, принимая первую волну ветра.

Хряснул топор об колоду, высекая мелкую щепу. Куриная голова на травку скатилось, а тело, зазевавшимся Марьяшем выпущенное, побежало по двору, спотыкаясь и брызгая кровью.

- Держи! Держи! От окаянный! – кричала мамка.

Марьяш кинулся было за курой и замер. На травинке повисла, переливаясь нарядным алым, капелька крови. Почему именно эта? Марьяш не знал, просто вдруг понял, что сейчас... вот-вот сейчас... да, именно сейчас произойдет нечто.

Капля вспучилась, растягиваясь до пузыря, который треснул и развалился парой бурых стрекозиных крыл, между которыми покачивалась на ниточке-шее пушинка-голова.

- Ой, - сказал Марьяш, падая на колени и протягивая дракону палец. И зажмурился от счастья: получилось!

- Кровь, значит? Любопытно, весьма любопытно.

Брюхастый дед сунул в глаз синее стеклышко и поманил пальцем:

- Подойди, мальчик. Не бойся.

- Я и не боюсь, - соврал Марьяш, бочком шагнув к деду. Сердце колотилось, суровый отцов взгляд жег спину, а в ушах еще стояли материны причитания: не хотела пускать.

Дед же оглядел Марьяша с макушки до босых пяток, вынул потемневшее стеклышко и протянул.

- Уровень не ниже третьего. Но специфика доминирующей субстанции внушает... некоторые сомнения. Однако я, пожалуй, возьмусь. Три монеты.

- Пять, - жестко сказал отец. – Или мы уходим.

Сошлись на четырех, половина медью.

Земля вздыбилась, плюнула каменной крошкой, кинулась желтой непереваренной костью и замерла.

- Быть!

Ширились края рваной раны. Ворочалась земляная тварь, подкидывая горсть за горстью уже не серую мешаную с камнями труху, но жидковатую глину. Хлопали усталые крылья, вторили им drobный перестук лопат по ту сторону вала.

- Быть!!

Мелькают когти, пасти, хвосты. Дерут землю, тянут линию-дугу вокруг города новорожденного, имя которому...

- Быть!!!

Со звоном лопаются глубинные жилы, выблевывая в ров рыжую муть воды.

На третий год случилась война. Кто был виноват? Кто был прав? Марьяш не знал. Он стоял на городской стене вместе с остальными недоучками да глядел, как работают мастера.

Кипело небо. Пылала река. Стонала земля, одну за другой выпуская тварей, и одну за другой их проглатывая. Дымом тянуло, паленой плотью, а после вдруг улеглось все. Только колокол на ратуше зашелся звоном.

Спасайтесь люди! Спасайте людей.

- Бегите!

С дальних холмов к стенам городским метнулась трещина, крысой нырнула под камни и вынырнула с другой стороны, пробежала по улицам, плодясь на ходу. Закачались дома, заскулили рядом и учитель, вспотевший кровью, закричал:

- Беги!

Марьяш побежал. Ступени-переходы-улица-трещина. Люди. Прижаться, пропуская стражника в броне-панцире. Нырнуть под телегу. Выскочить, хватанув губами горький дым. Снова побежать. Куда?

На поле. На темное поле, вспаханное огненной сохой, засеянное солью да водой, пережеванное собою же и заполненное копошащимися суетливыми людьми. Обессилев, стороны сошлись в рукопашной.

Пляшет меч. Пишет кровью по небу, кидает багряные горсти.

Смотри Марьяш.

Крутится в руках белобородого гиганта топор. Отворяет фонтаны кровяные.

Смотри Марьяш.

Пики, копья, дротики и стрелы...

Для тебя Марьяш! Для тебя! Не стой!

Взлетели руки над головой, раскрылись губы, выталкивая слово:

- Быть!

Быть сотваренному! Быть живому! Кровью от крови, плотью из плоти. Слышите? Слышите. Отзываетесь. Голоса ваши клокочут под сердцем, дерут на части. А и не жалко, забирайте. Все забирайте, только...

Марьяш остановился, рискуя рассыпать тварение: он не знал, что приказать. Жечь? Рушить? Топить? Душить? Кого? Врага? А кто здесь враг? Нет, так нельзя. Но как можно? Как?

- Быть!!

Кому быть? Им, несуществующим? Ему, еще пока живому? Городу? Людям? Драконам? Трепещет в руке заклатье, рвется. Ну же Марьяш, ты знаешь, чего им дать.

- Быть!!!

Быть. Существовать. На миг, на десять, на сколько выпадет. Рваться ввысь. На волю. Разрешено. Проламывая кокон плоти, проглатывая стон того, кем только что являлся.

Воздух уже гудит, взбитый тысячами крыл. Зовет.

Иду.

Лялька сидела, склонившись над корытом, в котором копошились драконы. Прищурившись, разглядывала, а разглядев нужное, хватала поперек спины да совала в один из десятка кувшинов.

Ловко ей работалось. Привычно.

- Что стоишь? – спросила, не оглядываясь. – Заходи. Надолго?

- Нет.

Марьяш зашел во двор, но к корыту приближаться не стал. Да и вовсе старался не глядеть на драконов. Им в корыте тесно, им бы на волю...

...крыльями да по воздуху, когтями по плоти, выбираясь, отряхиваясь, разевая пасти первым вдохом. Ввысь, вверх, стаяй, роем, прочь от поля...

- Денег привез, что ль? – Лялька зажала в кулаке пищащую тварь, раздумывая, куда ее сунуть. Оттенок панциря был уже не насыщенного, сливочного цвета, но и не жидко-молочного. Мёшанок. Наконец, решившись, ловко свернула шею и кинула в надтреснутый кувшин. Для себя, значит, молочко.

- Денег.

...платили хорошо. Кто за дело, кто за имя. Имя менялось.

Марьяш-Кровяный тварец.

Марьяш-Отворяющий жилы.

Марьяш-Молчун.

И наконец, последнее, нынешнее: Марьяш-Миротворец. Это стоило особенно дорого.

Когда в корыте осталось с пяток блекло-водяных тварей, Лялька поднялась.

- А эти куда?

Зря спросил, да слова не поймает.

- Так свиням. Там молока чуть самое. Кому надо?

- Тебе их не жалко? Живые ведь.

- И люди живые, - усмехнулась Лялька, глядя прямо. А глаза-то от частых прищуров косят и морщинок море. – Как есть живые, только вот поговаривают, что Марьяш-кровяник людей не жалеет.

- Они сами себя не жалеют! Я просто... люди однажды решили, что если они сотворяют, то право имеют. Любое. Принуждать. Уродовать. Убивать. Не творения видят, а тварей! Твари и есть. Знаешь почему?

Молчит, смотрит как некогда – с жалостью. Вот-вот предложит дракона на поиграть. И закипает в груди старая злоба, нырнуть бы.

...в море гранатово-алое, чтоб об камень и вдребезги, чтоб раз и навсегда избавиться и от совести, и от разума, выпуская сидящего внутри. Пусть как у них, у тех, кто умер первыми на поле под городом, или вторыми, тоже на поле, но под другим городом, или третьими, или сотыми – много в мире полей и городов – пусть треснут ребра скорлупой ореха. Пусть расползется кожа и, отхаркиваясь жилами, выберется из кокона телесного багрянокрылый змей.

- Творить – себя отдавать. И жалко, и страшно, и как потом убьешь? Потому не отдаем, но берем чужое. Изначальное. Научились. Пользуемся. И рады. Я жалею людей, я даю им свободу. Изначальную...

Замолчал, кляня длинный язык. Никому ведь, кроме учителя, не рассказывал, да и тот, услышав, посоветовал молчать. Что, мол, от этих изысканий поменяется? Ничего. И молчал Марьяш, пока не прорвало горечью. И снова замолчит на годы. Вот только скажет последнее:

- Не тварцы мы. Твари. Как есть твари.

Хмыкнула Лялька, подняла кувшин и, взболтнув – внутри хлюпнуло мертвое – предложила:

- На вот лучше молочка. Холодненькое.

*Об авторе.

Прозаик из Гродно [Екатерина Насута](#) более известна под псевдонимами. Один из них – [Карина Дёмина](#).

www.pisateli.by